

14. Народні оповідання [Упоряд. і передм. Степана Васильовича Мишанича]. – К.: Дніпро, 1986. – 336 с.
15. Es sagt aus alten Tagen. Ein neues Thüringer Sagenbuch [Hrsg. Ernst Karl Wenig]. – Rudolstadt: VEB Greifenverlag, 1968. – 318 S.
16. Wahrig, G. Wahrig Deutsches Wörterbuch /Gerhard Wahrig. – Gütersloh/München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2000. – 1451 S.
17. Wahrig, G. Wahrig Deutsches Wörterbuch /Gerhard Wahrig. – Gütersloh/München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2000. – 1451 S.
18. Es sagt aus alten Tagen. Ein neues Thüringer Sagenbuch [Hrsg. Ernst Karl Wenig]. – Rudolstadt: VEB Greifenverlag, 1968. – 318 S.
19. Давність назв Україна та українці / <http://www.ukrainoznavstvo.info/vyd/itu/ukr.html>.
20. <http://www.ergokreativ.onlinehome.de/wegbild.htm>

УДК 81.001.6:60.542

Коваль В.И.
(Гомель, Беларусь)

СКАЗКА О КОЛОБКЕ: ТЕКСТ, ПОДТЕКСТ, АРХАИЧНАЯ СИМВОЛИКА

В статті розглядаються різні версії інтерпретації казкового тексту про Колобка, характеризується символіка образів і визначається міфологічний підтекст казки. Аналізується внутрішня форма ключового слова і його зв'язок з ритуальними уявленнями про хліб, виготовлений з решток зерна.

Ключові слова: *текст, міфологічний підтекст, сучасні інтерпретації, символіка хліба, вербальний обєріг.*

В статье рассматриваются различные версии трактовки сказочного текста о Колобке, характеризуется символика образов и определяется мифологический подтекст сказки. Анализируется внутренняя форма ключевого слова и его связь с ритуальными представлениями о хлебе, приготовленном из остатков зерна.

Ключевые слова: *текст, мифологический подтекст, современные интерпретации, символика хлеба, вербальный оберег.*

The article deals with different versions of fairy-tale Roly-Poly text. Also image symbolism is characterized and mythological fairy-tale subtext is determined. Internal form of keyword and its connection with ritual imagination about bread made from grain remains is analysed.

Key words: *text, mythological subtext, modern interpretations, bread symbolism, verbal amulet.*

Сказка «Колобок» относится к типу кумулятивных (цепевидных, рекурсивных) текстов, которые построены на «нанизывании» повторяющихся эпизодов. Как и некоторые другие фольклорные тексты («Репка», «Теремок»), «Колобок» является весьма древней, так называемой реликтовой сказкой, характеризующейся незамысловатым сюжетом, расположением всех событий в один ряд, отсутствием обобщений, а также абстрактных категорий времени и пространства. Между тем реликтовые сказки очень ценны для современного человека, поскольку «они доносят до нас не древний быт или древние верования, но древние типы мышления; кроме того, они дают нам представление о том, каким образом формировалась связная речь: с помощью однотипных повторов путем наращивания лексического объема» [1]. Вполне закономерно, что сказка «Колобок» как архаичный фольклорный текст имеет параллели в других культурах: этот сюжет (по международной классификации ему присвоен шифр АТ 2025) зафиксирован в шестнадцати русских, восьми украинских и пяти белорусских вариантах; он известен также сербам, болгарам, хорватам, узбекам и татарам; сходные сказочные сюжеты встречаются в балтских, скандинавских и германских фольклорных материалах. Показательны в этом отношении названия украинской сказки «Пирожок-побегун, лиса и волк», белорусской – «Сбежавший пирог», английской – «Джонни-пончик», американской – «Пряничный человечек» [2].

Данный сказочный текст не случайно привлекает внимание исследователей: при очевидной простоте сюжета и кажущейся назидательности сказка «Колобок», без сомнения, содержит многочисленные «скрытые смыслы», на что в свое время обратил внимание академик Н. И. Толстой. Отвечая на вопрос о том, что защищало Колобка от прожорливых зверей, ученый подчеркивал: «Таким защитным средством была именно песенка, в которой излагалась вся последовательность действий, вызвавших появление Колобка на свет Божий». Текст песни Колобка – *Я по коробу скребён, / По сусеку метён, / На сметане мешён / Да в масле пряжён, / На окошке стужён...* – определялся Н. И. Толстым как ««текст творения», который, согласно народным представлениям, сам по себе имел магическую оборонительную силу». Ритуальные тексты такого рода, широко известные в славянском фольклоре и описывающие превращение растения в муку и муки – в хлеб, «защищают их рассказчика (исполнителя) и его дом от нечистой силы, грозы, грома, смертельной беды и прочих напастей» [3: 41]. По мнению Н. И. Толстого, магичность Колобка обусловлена также описанием его пути: перемещение сказочного героя – «с окна на лавку, с лавки на пол, по полу к дверям, через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота» – имеет очевидную параллель в русских заговорах, направленных против различных болезней: *Пойдет раб Божий из дверей дверейми, из сеней сеньми, из ворот воротами, выйдет далеке в чистое поле...* Кроме того, колдовская сущность Колобка усиливается его статусом поскрёбьша – изделия из теста, которое, в свою очередь, было приготовлено из остатков: он «по сусеку сребён, по амбару метён». Это же слово – *поскрёбьши* ‘последний ребенок в семье’ – в сфере народной духовной культуры ассоциируется с магическими способностями: такой человек «обладает даром лекаря и знахаря, способного противостоять власти ведьм и колдунов; он может остановить град, вызвать дождь и многое другое» [3: 42].

Магичность колобка как «чисто русского хлебного изделия» подчеркивается и в соответствующей статье виртуальной энциклопедии «Википедия»: колобок готовился

не всегда, а лишь при отсутствии обычных припасов для хлеба в их обычном количестве. Для того чтобы испечь колобок, использовались остатки имевшейся в доме разной муки, а также все поскрёбки (остатки теста) в квашне, которые обычно оставались для закваски. Сравн. словарный иллюстративный пример к слову *поскрёбыши* ‘остаток чего-либо съестного, оскребок’: *Колобочек испечем из поскребыши* [4: 172]. По указанной причине доля закваски в колобке всегда превышала долю закваски в обычном хлебном тесте, что (в соединении с неоднородной по составу мукой) приводило к появлению особого «колобкового» теста, из которого получался пышный, мягкий, хорошо пропеченный, долго не черствеющий хлеб. Такое явление простые люди могли объяснить лишь чудом, что и «послужило причиной восприятия этого простого результата биохимических процессов как некоего сказочного, чудесного явления» [5]. Не случайно поэтому диалектное значение слова *колобок* – ‘хлебец из ржаной муки с изображением креста наверху, имеющий обрядовое значение’: этот *колобок* съедали в среду в Средокрестье (на четвертой неделе Великого поста) или клали в ячменные семена, предназначенные для посева [6: 144].

При очевидной магичности Колобка закономерен, тем не менее, поставленный Т. В. Цивьян вопрос – «Почему же Колобок, при всех его магических свойствах, все-таки погиб?», на который она отвечает следующим образом: «Колобок погиб потому, что *скатился, покатился и катился*» [7: 312]. Высказанная точка зрения аргументируется в этнолингвистическом аспекте, поскольку в семантике глагола *катиться* содержится имплицитная сема ‘движение по направлению вниз’, а «в универсальной оппозиции верх/низ, описывающей мировое устройство, низ связан с иным, нижним миром, миром мертвых, т. е. имеет отрицательные коннотации» [7: 314]. Будучи по своей природе круглым, шарообразным, Колобок мог передвигаться только способом качения, что в мифопоэтическом контексте оказывается весьма значимым, поскольку предполагает негативные последствия. В подтверждение своей гипотезы Т. В. Цивьян приводит соответствующие слова и словосочетания, которые соотносятся с идеей низа, т. е. реальной или метафорической гибели: *куда ты катишься, до чего ты докатился, катиться по наклонной (плоскости), катись колбаской по Малой Спасской, прокатить на выборах; Укатали Сивку крутые горки; «Эх, яблочко, куда ты котишься, ко мне в рот попадешь, не воротиться»* (вариант – *в Губчека попадешь*) и др. Изложенное позволяет автору сделать следующее заключение: «Заданное изначально (собственной «неустойчивой» круглой / шарообразной формой) направление *вниз* обрекло Колобка на печальный конец, а попытке переменить это направление и двигаться вверх оказались неудачными» [7: 315].

По нашему мнению, трагическая судьба Колобка – быть съеденным – была predeterminedena еще одним обстоятельством: он был приготовлен из остатков продуктов (муки и «остаточного» теста), которые непременно должны быть съедены, поскольку наделялись в сфере народной духовной культуры сакральными свойствами, оказывающими влияние на здоровье, детородные способности людей и выполняющими роль апотропея. Вообще в остатках еды, согласно распространенным бытовым представлениям, концентрируется некая энергетическая «субстанция», которая непременно должна через еду попасть в организм человека. Не случайно и поэтому детей уговаривают доедать пищу до конца, что на дне тарелки (миски, чашки и пр.) находится «силушка», которую нельзя оставлять. Показательно также, что встречающиеся в русских народных говорах слова с корнем *колоб-* нередко обозначают кулинарные изделия, приготовленные именно из остатков:

колобан ‘небольшой хлебец, испеченный из остатков теста, соскобленного со стенок и дна дежи’ [6: 142]; *колобок* ‘род лепешки из пресного теста, замешанного на отходах сливочного масла’; ‘маленький круглый пирожок из ржаной или пшеничной муки, замешанный на отходах сливочного масла’; *колобух* ‘небольшой хлебец, испеченный из остатков теста, поскребеш’ [6: 144-145]. Диалектные лексемы с корнем *-скреб-* обозначают не только приготовленное из остатков муки или теста «хлебобулочное изделие» (Колобок, как известно, «по коробу *скребён*»), но и ребенка, родившегося последним и обладающего, как отмечалось выше, значимыми магическими способностями: *вы́скребиши* ‘маленький хлебец из остатков теста’; ‘тот, кто родился в семье последним; последыш’ [8: 22]; *поскрёбушек* ‘хлебец из остатков теста’; ‘последний сын в семье’ [4: 171].

Важно, на наш взгляд, иметь также в виду, что сказочный колобок фактически представлял собой скоромную пищу («...на сметане мешён да в масле пражён»), которая, будучи ритуальной, являлась не только магическим средством и апотропеем, но и подвергалась обязательному ритуальному уничтожению или съедению. Так, «уничтожение остатков скоромной масляничной пищи происходило в Чистый понедельник (у православных) и в Чистую среду (у католиков): сжигали в костре остатки блинов, молока и сметаны; топили в проруби; в Чистый понедельник молодежь выпрашивала по дворам остатки скоромного и выпивки и на этом устраивала заключительную пирушку, подводящую итог масляничным гуляниям; остатки пасхальной трапезы – кости от запеченного пасхального поросенка, скорлупу от освященных яиц, крошки от пасхального кулича – закапывали в землю, разбрасывали в поле, сжигали, бросали в воду, подвешивали на чердаке, под крышей дома или в хлеву в качестве оберега от грома, бури, нечистой силы» [9: 580]. Колобок, таким образом, был обречен на обязательное съедение еще до своего приготовления (рождения), т.е. до начала активной фазы своей короткой жизни (передвижения по опасному лесному пространству и встречи со зверями), поскольку изначально он был задуман стариками как ритуальное кулинарное изделие имеющее особый статус и предназначавшееся для съедения с магической целью. Естественно поэтому предположить, что нашим далеким предкам, слышавшим в самом начале сказки о том, что Старуха по совету Старика приготавливала колобок из остатков еды, сразу же было понятно, что он – как ритуальный хлеб – должен быть обязательно съеден, и это осмыслилось отнюдь не как трагедия, а как вполне объяснимая закономерность.

Обращение к ресурсам Интернета позволяют выявить и определенным образом упорядочить разнообразные трактовки содержащегося в сказке «Колобок» мифологического подтекста – от возвышенно-божественного до пренебрежительно-негативного, что свидетельствует о неослабевающем интересе к заложенному в этот текст смыслу. Так, рассматриваемый сказочный сюжет интерпретируется как акт создания человека «богами» – Дедом и Бабой. Все этапы творения Колобка – замешивание, поджаривание, остужение – понимаются при этом как приобщение ребенка к четырем стихиям: воде, огню, ветру и свету. Само же путешествие Колобка «символизирует всю жизнь человеческую, в течение которой человек подвергается испытаниям характера»: испытанию на трусость (встреча с Зайцем), испытанию на злость и ненависть (встреча с Волком), испытанию на жажду власти (встреча с Медведем), испытанию на устойчивость к хитрости и лести (встреча с Лисой). На основании этого делается обобщение, связанное с представлениями о славянском менталитете: «Так уж устроена славянская душа: и власть над

другими людьми не прельщает, и злобу в душе долго не хранит, и не струсит в трудный для Родины час, но доверчивость и неспособность распознать хитрость всегда приводят к неприятностям. Из этой сказки можно сделать вывод, что для славянина важно научиться распознавать лесть и не доверять хитрым авантюристам, а жить своим умом и сердцем» [10].

Содержание сказки о Колобке соотносят также с одним из фрагментов древнеегипетской мифологии: небесную богиню Нут (мать или жену бога солнца Ра) представляли в облике небесной коровы, которая утром рождает теленка (солнце), а вечером пожирает его, чтобы снова родить утром. С этой точки зрения Колобок – солнечный символ – продвигается, минуя различные препятствия, по лесной тропинке, как солнце по небесному своду, а в конце дня тонет в закате – в пасти рыжей Лисы [11]. Рассматриваемый сюжет имеет и другие «космические» интерпретации: как индоевропейский миф о происхождении человека от Неба и Земли, либо как описание вечной борьбы сына Неба – Солнца – с тьмой [12].

В. Холкин считает, что «в истории Колобка, созданный из остатков, из пыли, из последних праздных усилий, проговаривается непреклонная вера в обреченность лукавых игр с судьбой. Петлистое путешествие Колобка – это история бегства от судьбы, полное радостного желания ее обойти, перехитрить, объехать на кривой». Вначале судьба благосклонна к Колобку, так как стариковский замысел начинает успешно воплощаться: «под рукой оказывается не только мука, но и сметана, и масло, и даже дрова». Более того, судьба подарила сказочному герою поэтический дар – способность самовыражения через песенный текст, который, в сущности, является его оберегом, спасением от сопутствующих ему неприятностей. Колобок полон веры в себя, «в возможность объехать судьбу на кривой бахвальства», а главное – он верит в спасительность песни, с помощью которой он заговорен от съедения (гибели). Но, по мнению автора, «наделив Колобка самоуверенностью и бахвальством, судьба лишает его двух важных чувств: опасливости и сомнения; именно полная утрата этих чувств и решает его гибель в конце сказки». Хитрая и коварная Лиса в таком случае символизирует неотвратимость судьбы, которая «не обходима, не избегаема и не объезжаема “на кривой”» [13].

В одном из интернет-материалов делается попытка установить связь рассматриваемого текста с оккультными представлениями. С этой целью прежде всего обращается внимание на «философский смысл» слова *Колобок*, соотносящегося с архаизмом *коло* ‘круг, колесо, окружность’: «Круг, не имеющий начала и конца, является одним из величайших и древнейших оккультных символов». Отмечается также наличие в данном слове трех гласных звуков [о], которые сами по себе являются «кругами-кóлами» и поэтому усиливают магичность сказочного героя. Исходя из этого, сказка о Колобке характеризуется как «героический эпос, повествующий о жизненном пути настоящего Посвященного», который «отрешился от всего бренного и иллюзорного на Земле, порвал все связи с тем микромиром, который его породил, чтобы свободным выйти в плавание по морям Истины». Пройдя несколько этапов на пути постижения истины, Колобок, исполняя песенку-мантру, изгоняет из себя страх (сбегает от трусливого Зайца), преодолевает в себе агрессию (сбегает от кровожадного Волка), избавляется от лени и самодовольства (сбегает от увальня-Медведя), но терпит поражение в общении с хитрой и коварной Лисой, воплощающей в себе «то зло и несовершенство мира, который Колобок покинул на

первом этапе посвящения. И вновь он возвращается к той точке, с которой начал свой путь, но уже обновленным и мудрым. Материальная оболочка Колобка гибнет, но дух, очищенный и просветленный, продолжает восхождение к свету» [14].

В соответствии с гипотезой, высказанной В. Мершавка, неуловимость Колобка и та легкость, с которой он убегает от трех первых зверей, объясняются тем, что «Колобок – это солнечный зайчик, т.е. проекция солнца на поверхность земли; светлое пятно, которое оставляет солнечный луч на любой поверхности». Именно поэтому Колобка нельзя ни догнать, ни поймать. «Несуразный конец» сказочного героя, обусловлен, по мнению автора, магической природой испеченного старухой колобка: это не рядовое изделие из текста, а ритуальный хлеб, который верующие (в сказке – звери) вкушают во время причастия. Заяц, Волк и Медведь не смогли съесть ритуальный хлеб, поскольку вели себя прямолинейно и агрессивно («Колобок, Колобок, я тебя съем!»), а значит – «неправильно совершали ритуал, намеревались съесть Колобка сразу, не воздавая ему восторженных славословий». Что же касается Лисы, то она «полностью соблюла условия ритуала и потому в качестве завершающей его части съела Колобка» [15].

Е. Данилова, обращая внимание на то, что «странный и маловразумительный текст сказки «Колобок» не перестает, тем не менее, нравиться многим поколениям малышей», видит ее разгадку в том, что «вся сказка построена на метафоре еды: все хотят съесть Колобка, и он убегает, пока не будет все-таки съеден Лисой». При этом трагический финал сказки не вызывает у детей негативных эмоций, поскольку в детском сознании он отождествляется с игрой в догонялки, основными элементами которой являются убегание и поимка. Отсюда делается вывод о том, что это как раз тот случай, когда «поедание является метафорой любви, то есть полного принятия объекта». Песенка Колобка понимается как «декларация отдельности и самостоятельности маленького существа»: Колобок, как и ребенок, раньше всего усваивает свое имя, начинает реагировать на него, с удовольствием рассказывает каждому встречному о том, что он сделал в прошлом и что делает сейчас. Небезынтересно, что звери, от которых легко уходит Колобок, – Заяц, Волк и Медведь, – названы словами мужского рода, а Лиса – существо женского пола, которая, в отличие от своих предшественников, не угрожает Колобку съедением, а проявляет к нему интерес, хвалит его песенку, просит исполнить ее еще раз. По мнению автора, «весь путь Колобка – дорога младенца от мамы к маме: от мамы серой, скучной, немой к маме яркой, с ясной речью. <...> Образ Лисы – метафора новой мамы, которую малыш видит более четко, чью речь понимает, с кем хочет контактировать». Таким образом, вновь обретенная «мама» Колобка – Лиса – демонстрирует ему свою любовь через съедение («желание съесть – безусловное и полное принятие»), а Колобок, в свою очередь, теряя ощущение связи с мамой, которая его «слепила» (родила), сливается с новой «мамой», растворяясь в ней [16].

Т. Василенко также интерпретирует смысл сказки о Колобке сквозь призму детского восприятия: его пятилетняя дочь предложила два варианта сказки: а) Колобок убегает от Лисы и возвращается к Деду и Бабе, которые его съедают; б) Колобок после длительных приключений попадает в Америку, где его съедают индейцы. Автор приходит к заключению о том, что тема этой сказки, определяемая философским термином «бытие-к-смерти», – «о неизбежности смерти: если ты еда, быть тебе съеденным. <...> Съедение (=смерть) Колобка – рано или поздно – неизбежно. Он может быть сколь угодно хитрым, сколь угодно резвым – все равно его кто-нибудь съест, хотя бы даже индейцы» [17].

10. Сказка о колобке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rasen-rus.narod.ru/skazki/kolobok.htm>
11. Какой съедобный символ солнца у славян на масленицу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otvet.mail.ru/question/53420447/>
12. Русская народная сказка «Колобок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ustierechi.ucoz.ru/publ/19-1-0-184/>
13. Холкин В. «Колобок»: смерть поэта / В. Холкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/8/holk.html
14. Колобок, или истинная трактовка некоторых русских народных сказок в ключе эзотерической мудрости арийского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.heretics.com/tavern/kolobok.htm>
15. Мершавка В. «Колобок». Буквальная, архетипическая, натуральная, ритуальная и этимологическая интерпретации / В. Мершавка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jungland.ru/node/2919>
16. Данилова Е. Анализ сказки «Колобок» / Е. Данилова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://danilova.ru/phpbb/viewtopic.php?f=15&t=5645>
17. Василенко Т. Колобок: быть съеденным / Т. Василенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timur0.nm.ru/index.htm>
18. Колобок. Не тварь дрожащая, но скотина катящаяся [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hobbymaker.narod.ru/Fiction/07_Kolobok.htm

УДК 811.111'23

*Леймонченко Г.О.
(Луганськ, Україна)*

РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ МІМІЧНИХ КОМПОНЕНТІВ КОМУНІКАТИВНИХ АКТІВ (на матеріалі українських та англійських художніх творів)

Сучасна лінгвістика дає можливість більш повного аналізу художніх текстів з точки зору їх паралінгвістичної складової. Це дозволяє розглядати текст як цілісну систему, комунікативний акт, що має складну структуру. Дана стаття розглядає невербальні знаки та їх репрезентацію в художніх творах.

Ключові слова: паралінгвістика, невербальна комунікація, міміка, пантоміміка.

Современная лингвистика дает возможность более полного анализа художественных текстов с точки зрения их паралингвистической составляющей. Это позволяет рассматривать текст как целостную систему, коммуникативный акт, который имеет сложную структуру. Данная статья рассматривает невербальные знаки и их репрезентацию в художественных произведениях.

Ключевые слова: паралингвистика, невербальная коммуникация, мимика, пантомимика.

© Леймонченко Г.О., 2011